

***Цензурное законодательство в дореволюционной России
(к вопросу об истоках авторского права)***
Присяжнюк Ю.П.

Вопрос о становлении института авторского права в дореволюционной России не принадлежит к разряду подробно изученных. Работы исследователей относятся в основном к более позднему историческому этапу, и упомянутый отрезок времени рассматривается в них весьма кратко. Более пристальное обращение к нему представляется необходимым, поскольку процесс зарождения института авторского права в России начинается гораздо раньше, чем это принято полагать, и без анализа особенностей законодательства того времени он не может быть адекватно воспринят.

Говоря об этих особенностях, заметим в первую очередь, что законодательного регулирования правоотношений, возникающих по поводу использования результатов творческой деятельности в России тогда, видимо, как такового не существовало. Лишь судьбоносный во многих аспектах факт развития книгопечатания стал благодатной почвой для появления первых нормативных актов в этой области. История знает не мало примеров противостояния и борьбы за сферы влияния сакральной и светской власти (институтов церкви и государства). О подобном противостоянии правомерно говорить по отношению к России 16-17 в.в. Проиллюстрировать сказанное может ситуация, связанная с контролем книгопечатания. В интересующую нас эпоху баланс сил был вполне определен: отношения между государством и церковью структурировались таким образом, что именно духовенству принадлежало решающее слово в определении политики в этой сфере. Однако целостной правовой системы, опираясь на которую можно было осуществлять регулирование, не существовало. Можно предположить, что все оно сводилось, в основном, к единичным нападкам церкви на тексты, расцениваемые как еретические. Если же принять во внимание тот факт, что и литература, которая печаталась, была в основном религиозного содержания, то становится очевидным, что именно церковь была полномочна осуществлять подобное контролирование (если о таком вообще можно говорить). Что же касается контроля за изданием нецерковной литературы, то в нем вообще не было нужды, так как книги могли печатать лишь немногочисленные правительственные типографии.

Описанные выше тенденции привели к тому, что примерно к середине 17в. государственная власть не только признает за церковью право контролирования печатной продукции, но и гарантирует ей это право рядом распоряжений (ПСЗ-1 № 7941). Таким образом, государственно-правовое регулирование печати, по сути, начинается с закрепления за церковью права на контроль литературы сакрального содержания. Причиной такого взаимодействия, скорее всего, явилось желание пресечь распространение неканонического толкования религиозных текстов.

Именно с этой целью правила, регулирующие печатную деятельность, начинают унифицироваться.

Только в эпоху реформаторского правления Петра I в законодательной базе фиксируются нормы, регулирующие осуществление цензуры. Это период, когда государством осознается роль СМИ (как бы мы их сейчас назвали) в укреплении государственности, идеологического контроля и просвещения. Заметим, что экономическая сторона вопроса, по-видимому, не являлась

определяющей. Об этом, в частности, говорит тот факт, что вместо логичного для подобной цели развития казенных типографий мы видим появление лишь одной частной типографии, к тому же функционирующей за границей.

Поскольку отправной точкой законодательного регулирования печати стало законодательство о цензуре, мы позволим себе чуть более подробно остановиться на ходе его развития. В поле нашего внимания окажется исторический отрезок, условными границами которого являются первые указы Петра I, а с другой стороны – появление относительно самостоятельных нормативных актов авторского права (1828г.).¹

Итак, все цензурное законодательство можно разделить на 3 этапа:
до 18 в. – отсутствие правовой регламентации цензурной деятельности,
1804-1865 – предупредительная цензура,
1865 г. – карательная цензура.

Первые два из них представляют для нас особый интерес. Именно они подготовили почву для возникновения самостоятельных норм авторского права.

Многие исследователи прошлого века (О. Натович, В. Розенберг, Р. Энгельгард) обоснованно считают указ Петра I от 10.03.1700. (ПСЗ-1 № 1751) отправной точкой законодательства о цензуре. Согласно упомянутому указу, голландец Иван Андреевич Тесенг получает жалованную грамоту на открытие в Голландии частной типографии для «печатания...земных и морских карт, чертежей, листов, портретов, математических, архитектурных и всяких по военной части книг...кроме церковных славяно-греческого языка книг» и «приводе оных на продажу в Россию с платежом пошлины по 8 денег с рубля». Цель выдачи грамоты четко определена в самом указе: к славе нашему Великому Государю, Нашего Царского Величества превысочайшему имени и всему Российскому нашему царствованию... и по общей народной пользе и прибытку и по обучению всяких художеств и ведению». (ПСЗ-1 №1751) Причем в отличие от более поздних указов подобного рода, печатание книг разрешалось не только на голландском и латинском, но и на славянском языках. По сути дела Тесенг первым среди частных лиц получил монопольное право в течение 15 лет (срок действия грамоты) печатать и распространять книги на территории всей России (и только в России, ибо «...никому другому государством тех чертежей не привозить...под отнятием и лишением имения их...»). Подтверждением вышесказанному может служить то обстоятельство, что, согласно тексту грамоты, лица ввозившие книги, напечатанные у Тесенга «без клейма и подписи его» подвергаются штрафу (1000 ефимков) и конфискации экземпляров «безденежно и

¹ Отметим, что правовые поля институтов авторского и цензурного права в процессе своего развития демонстрировали тенденцию к взаимопроницаемости, объяснением этому может служить их глубокое генетическое родство. В настоящей работе мы сосредоточим внимание на основных этапах развития цензурного законодательства, поскольку считаем, что данный вопрос не получил системного освещения в отечественных исследовательских работах. Проблема также малоизученная, о принципах взаимодействия авторского и цензурного права заслуживает отдельного разговора, и потому здесь не будет определяющим предметом изучения.

бесповоротно» в доход Великого Государя. Любопытно, что в доход государства уходило лишь две трети суммы штрафа, остальное получал Тесенг.

Грамота предъявляет особые требования к содержательной стороне текста издаваемых Тесенгом книг. Они должны быть «к славе нашему Великому Государю...» И не должны содержать «понижения нашего...». Формально, система запретов, распространяемая на определенные аспекты содержания произведения, существовала и ранее. Достаточно вспомнить 1698 г. – запрет на ввоз календаря Фогта, сулившего Москве всяческие несчастья. Однако здесь, на наш взгляд, необходимо выделить принципиально новый момент: до появления грамоты Петра I запреты эти носили разовый и карательный характер. В настоящем же случае речь идет о предварительных мерах, распространяющихся на любые издания Тесенга.

Из анализа текста жалованной грамоты можно сделать вывод, что государством предпринимается попытка определить орган контроля за качеством печатаемой продукции (с содержательной точки зрения). Тесенгу вменяется в обязанность являться «в государственное посольство с грамотой и книгами и показывать книги Нам, Великому Государю». Однако стоит заметить, что санкция за нарушение вышеозначенной нормы пока еще не предусмотрена, что и делает сам факт контроля практически формальным.

На основании сделанного анализа можно утверждать, что в данном документе закладываются основы для развития предупредительной цензуры в будущем.

Последующие 27 лет рассматриваемого периода в области регулирования печати законодательство не претерпело существенных изменений. Лишь 04.10.1727 г. появляется указ (ПСЗ-1 № 5175), согласно которому типографии, находящиеся в юрисдикции церкви, переводятся из Петербурга в Москву, тогда как светские функционируют теперь в Петербурге при Сенате (для печатания указов) и при Академии наук (для издания прочей печатной продукции)¹ Поводом для появления такого указа послужил доклад в Сенате о том, что «в Петербург завезена книга на немецком языке, перепечатанная в Любеке с оригинала, принадлежащего Академии наук».

Здесь в области светской литературы предпринимается первая попытка централизованного осуществления цензуры, а Академия наук персонализируется в орган этой централизации.² Однако ее полномочия в сфере типографской деятельности не замыкались на осуществлении цензурных функций. Академия продолжает издавать сочинения (в том числе и периодическую литературу). Упомянутый указ закрепляет особые полномочия по распространению литературы. В нем специально оговариваются штрафные санкции за ввоз с целью продажи тех книг, которыми Академия наук уже располагает. Вряд ли можно утверждать, что Академия осуществляла цензурирование на должном уровне. Многочисленные свидетельства того, что в печати оказывалась информация не соответствующая действительности, повлекли

¹ Отметим, что уже 05.10.1720 г. был издан указ, регламентирующий порядок напечатания любых текстов сакрального содержания. Речь идет о запрещении публикаций (как старых, так и новых книг без объявления о них духовной коллегии и получения ее официальной санкции. Еще раз обратим внимание на легальное признание законодателя цензурной деятельности церкви.

² Понятно, что это не распространяется на тексты официальных указов.

реакцию официальной власти.³ Реакция последовала в виде указа от 18.03.1743 г. (№ 8529), предусматривающего концентрацию всех полномочий, связанных с цензурой светских текстов, в руках Сената. Академия наук сохранила право на издание сочинений, в том числе и периодических. Однако, ей вменялось в обязанность предъявлять для апробации Светской Конторы (действующей при Сенате) по несколько печатных экземпляров каждого издания.

Необходимо уточнить, что не смотря на явное стремление власти укрепить цензурное законодательство, действия в этом направлении до 50-х годов представляются явно недостаточными. По-прежнему остается неопределенной санкция за проступки в этой сфере, границы полномочий цензора размыты и неопределенны. Отсутствие достаточной правовой базы по этому вопросу сочетается с нечетко прописанными критериями нарушений. Последнее обстоятельство как следствие влечет за собой известный произвол в подходе каждого конкретного цензора к каждому конкретному изданию.

В 1750 г. появляется, наконец, указ, определяющий для цензоров более четкую задачу. Согласно нему все книги, содержащие «имена известных в два правления персон», направляются для корректуры в Сенат или Академию наук (если они там были напечатаны) (ПСЗ-1 указ от 25.08.1750 г. № 9794). На время действия указа ввоз подобной иностранной литературы приостанавливался. На практике запрещение длилось около двух месяцев, по истечению которых специальным распоряжением от 10.10.1750 г. (№ 9805) к ввозу была допущена научная литература, а также книги, содержание которых обесмысливалось при соблюдении условий цензурирования.

В целом, все предпринимаемые в этот период попытки структурировать законодательную базу были ненаправленными. Законодательство развивалось во многом стохастически и серьезное детерминирование правового поля произошло лишь спустя десятилетия.

Значительные изменения законодательной политики в области печати осуществляются в первые годы правления Екатерины II, которая всячески покровительствовала развитию книгопечатания. 01.03.1771 г. был принят указ, согласно которому предупредительная цензура распространялась на всю иностранную литературу. Положения этого указа нашли отражение в жалованной грамоте, данной «иноземцу Иогану Мехелю Гартунга на открытие в Петербурге первой вольной типографии и словолитной». Грамота содержала ряд условий. Во-первых, книги должны быть напечатаны только на иностранных языках (но не по политическим соображениям, а в связи со стремлением поддержать российские правительственные типографии), дабы прочим казенным типографиям в доходе их подрыву не было».

Во-вторых, книги не должны содержать ничего «противного христианским законам и Правительству». С этой целью все сочинения, напечатанные у Гартунга, необходимо было предъявлять для свидетельства в Академию наук, а объявления - в полицию. Предполагалось, что издается лишь дозволенное (с указанием на каждом экземпляре: «печатано в вольной Гартунговой типографии»).

³ Например, «донос в Сенат» о неверных сведениях, опубликованных в №17 «Российских ведомостей» относительно присвоения действительному тайному советнику Бестужеву ордена...

Очевидно, что указ вводит двойную цензуру, осуществляемую Академией наук и полицией. Тем самым более или менее централизованная система цензуры в значительной степени размывается. Вместе с тем, для судеб отечественного книгопечатания значение этого документа трудно переоценить. Он впервые в законодательной практике нашей страны предусмотрел возможность для любого лица открывать в России частную типографию. Данное обстоятельство не преминуло сказаться на книгопечатном деле. Частные типографии возникают в крупных городах России, умножая количество печатной продукции, что в свою очередь влечет за собой неизбежное усиление института цензурства и уточнение соответствующей правовой базы для его функционирования.

Вскоре оговорка о печатании книг в частных типографиях только на иностранных языках была снята, и в 1776 году «книгопродавцам» Вейтберхту и Штору разрешили открыть типографии с правом печатания книг на русском языке. Однако, существующий порядок не отвечал усиливающейся общественной потребности в развитии типографий. Время диктовало необходимость приведения законодательной базы в соответствие со сложившейся практикой. С этой целью 15.01. 1783 года Екатерина I издает указ об открытии вольных типографий. По мнению большинства исследователей ему суждено было стать поворотным пунктом в истории развития печати. С появления этого нормативного акта во-первых, упорядочивается процедура открытия частных (вольных) типографий.⁴ Согласно указу, каждому разрешалось «заводить по своей воле типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давая знать о заведении таковых Управе Благочиния...» (ПСЗ № 15634). Во-вторых, печатное дело начинает трактоваться законодателем как вид промысла, «наравне с прочими фабриками и рукоделиями». В-третьих, указ закрепляет осуществление цензурных функций за Управами Благочиния, наделяя их полномочиями конфисковывать сочинения запрещенного содержания («противного законам Божьим и гражданским или же к явным соблазнам клонящим»). Кроме того, указ обязывает вышеупомянутые ведомства незамедлительно сообщать о нарушителях для последующего привлечения их к ответственности. Законодателем не определяется точно вид и размер этой ответственности, предполагается, видимо, что вопрос о наказании решается по аналогии с процессом по делу Радищева, получившим в свое время широкую огласку.⁵ Мы еще раз обратим внимание на тот факт, цензурная деятельность Управы Благочиния распространялась исключительно на сочинения светского содержания. Контроль за изданием духовной литературы оставался в компетенции Священного Синода, что подтвердил, в частности, указ от 27. 09.1787 года «О недозволении светским типографиям и книжным лавкам продавать молитвенники, не от Синода изданные, также книги церковные или к Священному писанию и к Православной вере относящиеся» (ПСЗ № 16556). В нем специально оговорено, что полиция действует лишь как ведомство осуществляющее надзор, оставляя идеологические аспекты цензуры за высшим духовным органом.

Дальнейшее развитие цензурной политики связано, помимо всего прочего, с ужесточением контроля за содержательной стороной произведений. Так, распоряжение от 27.03.1786 года графу Брюсу, не отменяя оговоренных

⁴ Напомним, что первая российская типография была открыта уже в 1771 году.

⁵ Натович О. Очерк нашего законодательства о печати. М., 1873г. С. 63.

ранее ограничений (соответствие текстов сочинений законам Божиим, гражданским, политике Правительства и т.д.), вводит целый ряд новых. На сей раз речь идет о запрете на целые темы, либо на определенные точки зрения на проблему. В ряд «нежелательных» попали:

- 1 О заблуждении и истине.
- 2 Апология или запрещение вольных каменщиков.
- 3 Братское увещание и т.д.

Очевидно, что данные темы, в зависимости от конкретного воплощения, могут быть отнесены как к сфере сакральной, так и светской литературы. Однако, все они прямо или косвенно способны при определенных обстоятельствах входить в противоречие с ортодоксальной церковной доктриной. Таким образом, анализируемое явление демонстрирует стремление духовной власти направлять линию просвещения в русло официальной церкви. Этот исторический факт еще раз подчеркивает важнейшую роль Священного Синода в осуществлении регулирующих цензурных функций даже в сфере светской литературы, а шире – в формировании духовного облика нации.

Даже беглого экскурса достаточно, чтобы заметить, насколько активно развивается законодательная база в эпоху Екатерины II. Попробуем кратко сформулировать итоги правительственной политики российской самодержицы в свете нашей темы. Здесь прежде всего необходимо обратить внимание на то, что типографское дело объявляется видом предпринимательской деятельности. Важным представляется вполне недвусмысленное утверждение об обязательности цензурного контроля всей печатаемой литературы. Заметим также, что речь идет именно о предварительной цензуре как методе более функционально эффективного воздействия на процесс регулирования правоотношений в рассматриваемой области. Инструментом, помогающим непосредственному осуществлению такого регулирования, становится Управа Благочиния (Полиция) – государственный орган. Не претендуя на дублирование ограничительных функций Священного Синода, государство, таким образом, манифестирует стремление усилить собственные позиции в области цензурного контроля. Рассматриваемое явление в последние годы правления Екатерины II обрело вид тенденции, которую можно схематично сформулировать как попытку государственных структур контролировать максимально возможное информационно-правовое поле и Павел I продолжил эту политику.

Ситуация тех лет характеризуется усилением административно-охранительного диктата, что, разумеется, повлекло за собой некоторые изменения в регулировании печатного дела. Эти изменения были юридически оформлены в указе от 16.09.1796 года (ПСЗ № 17508) «Об ограничении свободы книгопечатания», документе, признанном крайне реакционным и современниками и позднейшими исследователями. Кратко остановимся на основных его положениях.

Указ предусматривает, что любая цензорская деятельность, по отношению к светской литературе, ранее осуществляемая «на местах», с этих пор фокусируется в ряде крупных российских городов: Москве, Петербурге, Одессе и Риге. Кроме того, специальный цензурный пункт учреждается на Радзивиловской таможне (Указ от 22.08.1776 года). Группа цензоров, решающих судьбу того или иного издания, должна, помимо двух служащих, непременно включать в себя представителей духовенства. Сразу оговоримся: речь ни в коей мере не идет о смешении или отождествлении светской и духовной цензуры. Полномочный

представитель Синода, входя в цензурный комитет, очевидно, полагал осуществлять контроль за духовно-нравственной стороной содержания, обязанного ассонировать догматам ортодоксальной церкви. Именно ему принадлежало решающее слово при определении соответствия содержания законам Божиим. Издания, признанные «еретическими» изымались и уничтожались.

Собственно духовные тексты не проходили через цензурный комитет, степень их соответствия определялась непосредственно в структурах высшей церковной иерархии (Священный Синод и Епархиальные Архиереяства; чьи полномочия в этой области подтверждает указ .

Возвращаясь к литературе светской направленности, заметим, что по новому указу печатание, либо ввоз таковой из-за границы без предварительного прохождения сквозь цензурное «сито» запрещался. Но, пожалуй, основным параметром, характеризующим данный документ, является возврат законодательной мысли (а за ней и практики) к ранее существовавшей системе строго разрешительной цензуры. Более того, разрешительным становится сам порядок организации типографского дела, «поскольку для печатания полезных и нужных книг есть достаточное количество таковых типографий при разных училищах устроенных», указ упраздняет все типографии «кроме некоторых»⁶, аргументируя это стремлением к прекращению «разных неудобств», которые встречаются от свободного и неограниченного печатания книг. Контроль за исполнением указа надлежало осуществлять Генерал-Губернаторам. Так, в стремлении укрепить вертикальные структурные связи иерархической бюрократической машины, государство делает еще один шаг на пути к жесточайшему контролю типографского дела.

Логичным продолжением подобной политики стало появление в 1797 году указа №18032. Согласно ему все книги, признаваемые цензурой недозволенными, или даже просто сомнительными, подлежали немедленной передаче на рассмотрение специального Совета Его Императорского Величества⁷.

Несомненно, одним из поводов ужесточения цензурного контроля стали известные события в раздираемой революционными противоречиями Франции. История сохранила письмо князя А.Прозоровского на Высочайшее имя, датированное 20.05.1792 г. В нем, в частности, читаем следующую рекомендацию: «чтоб повелеть извоили положить границы книгопродавцам книг иностранных и отнять способы еще на границах и при портах подобные сему книги вывозить и паче из расстроенной ныне Франции, служащие только к заблуждению и разврату людей, не основанных на правилах честности». Совет князя был услышан, и цензура становится крайне придирчива, предпочитая лишний раз перестраховаться, чем пропустить к читателю «неудобное» издание. Высочайшим повелением в литературе запрещается даже употребление некоторых вполне «цензурных» слов и оборотов речи, могущих в определенном контексте вызвать нежелательные ассоциации. В категорию запрещенных попали понятия «общество», «гражданин» и др.(термины, весьма популярные среди представителей французского свободомыслия). По убедительному свидетельству

⁶ Указ от 16.02.1797 г. №17811 (ПСЗ т.24.) «О бытии типографий только при присутственных местах» определяет какие именно типографии не подлежали упразднению.

⁷ Возможно послужившего прототипом Сенатской цензурной комиссии 1800 года.

Н.Энгельгарда, на таможне в течение двух лет (с 1797 по 1799 г.) было конфисковано 639 книг. К числу опасных для Российского самодержавия были отнесены произведения И.Гете, Ф.Шиллера, И.Канта, Ж.Руссо. Дж.Свифта.⁸ Книги, которые все же пропускались к пользователю, зачастую подвергались серьезной редакции. И, поскольку цензоры в большинстве случаев не утруждали себя работой с автором, предпочитая редактировать лично, в печати появлялись порой весьма сомнительные «варианты». История цензора тех лет знает немало подобных примеров – от самых драматичных до абсолютно абсурдных и курьезных.

На потрясения Французской буржуазной революции и возможное потенциальное воздействие их на умы российских граждан отечественное законодательство конца 18 века реагирует указом №18524 от 17.05.1798 г. (ПСЗ т.25) «Об устройении цензуры во всех портах...». Опасаясь распространения «сочинений, наполненных зловредными умствованиями», в каждом порту предписывалось осуществлять тотальную цензуру всей ввозимой в Россию печатной продукции. В документе упоминается также, что виновный в непредоставлении цензорам «газет или других периодических изданий», а также «вредных книг», может быть подвергнут наказанию. Однако положение о наказании далее не расшифровывается. (Видимо меры применяемые к нарушителям, находились в соответствии со сложившейся практикой).

В стремлении по возможности нивелировать резонанс, последовавший за западными революционными событиями, российская власть подряд принимает еще два нормативных акта от 17.04 и 18.04 1800г. Первый из них подтверждал и конкретизировал более ранний указ от 16.09.1796г.; согласно новому положению, без одобрения центральной столичной (СПб-й) цензуры ни один цензор не имел права дозволить печатать ту или иную книгу. Таким образом, действия цензоров на местах отныне контролировались Главным цензурным органом страны, видимо сформированном при Сенате. Нельзя не отметить важный положительный аспект подобной централизации – стремление к установлению единых параметров цензурирования и ограничению субъективного цензорского произвола. Однако, это означает одновременно и общее ужесточение контроля для осуществления коего появился новый центральный цензурный орган.

Указ от 18.04.1800г. на какое-то время блокировал ввоз в страну любых книг и музыкальных материалов, усматривая в них угрозу «вере, гражданскому закону и благонравию». Это положение просуществовало лишь год, реакцией на некоторую стабилизацию внешнеполитической ситуации стала его отмена 31.03.1801г. (№19807). Отныне ко ввозу дозволялись книги, которые могли «доставить верноподанным способы к распространению полезных наук и художеств». Отмена подобной «репрессивной» меры с сегодняшних позиций может быть воспринята как предвестница последующей либеральной реформы права в части цензурного законодательства, связанной с именем Александра I.

Александр I пытается реанимировать процессы, зародившиеся в годы прогрессивного правления Екатерины II. Реформа «сверху» начиналась с отмены ряда ограничивающих факторов. Убежденный в необходимости освободить печать от разного рода административных препон, Александр I декларирует стремление к установлению принципов разумной свободы. Своим указом от

⁸ Энгельгард Н. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703 – 1903). СПб., 1904. С.389.

09.02.1802г. он вновь легализует вольные типографии. Данный шаг по сути был попыткой восстановить аналогичный нормативный акт Екатерины I (1783г.), при этом основательно скорректировав его. Так, например, не был возвращен частно-правовой подход к организации печатного дела. Название указа стало символом эпохи правовой либерализации: «Об уничтожении цензуры, учрежденной в городах и при портах, о дозволении учреждать вольные типографии».

С этих пор осуществление цензорских функций перестает быть вотчиной Управы Благочиния. Контроль за политической и моральной «благонадежностью» возлагается на директоров народных училищ, которым в свою очередь было необходимо получить одобрение гражданских губернаторов. По сути цензура из рук полиции переходит в компетенцию ведомства народного просвещения (а в «казенных» местах возлагается на конкретных руководителей данного учреждения).

Процесс передачи цензорских полномочий завершается к 1802 г., когда распоряжением от 26.01. оговаривается, что «цензура всех печатаемых в губерниях книг имеет принадлежать единственно Университетам, коль скоро они в округах учреждены будут». В руках народного просвещения цензура остается еще около 60 лет.

Важнейшим параметром правовой либерализации непосредственно предшествующим передаче полномочий института цензурства, стала замена предварительной цензуры на карательную. Указ от 09.02.1802г. № 20139 четко определил основные задачи цензурной деятельности. С этого момента книги дозволено печатать на всех языках, не испрашивая предварительного разрешения.

Притом, пропускать иностранные книги разрешалось на основании тарифа от 01.06.1782г., одновременно книгопродавцы давали письменное обязательство не продавать иностранные книги «противные законам Божьим и гражданским» таким образом, часть контрольных функций – уже за собственной продукцией – возлагалась на самих предпринимателей. Тем же нормативным актом типография приравнивалась по правовому статусу к фабрикам, при этом «заводить оные дозволяется всякому и везде в империи.». Руководитель вновь открытой типографии должен был соответствующим образом зафиксировать факт ее появления в местном отделении Управы Благочиния. Предупредительная цензура первоначально заменяется полицейским надзором за функционированием типографий, а впоследствии – контролем со стороны структур народного просвещения. Таким образом гражданские ведомства ограничиваются лишь работой с текстом, тогда как полиция обеспечивает осуществление технических процедур контроля. Собственно процесс цензурирования теперь касается только напечатанных книг, предшествуя лишь моменту их издания определенным тиражом.

Как уже упоминалось в 1803 году цензорские полномочия окончательно сконцентрировались в руках ведомства народного просвещения. Первоначальной задачей созданного в его структурах Главного Управления стало составление единого Цензурного Устава – документа, где были воедино сведены все основные принципы, ставшие базой для дальнейшего развития института цензурства в России.

1804 год – время, когда проявляются основные стратегические линии развития цензурного законодательства. Именно здесь становится очевидным, что практика применения норм карательной цензуры, не принесла ожидаемых результатов, выявила свою несостоятельность. Манифестированная

законодательно система запретов, реально оказалась подмененной субъективным цензорским произволом. Данные обстоятельства диктовали необходимость изыскания более эффективных механизмов воздействия на нарушителя. В поисках этих мер законодатель обратился к опыту предшествующего периода, прошедшего под знаком предупредительной цензуры. Однако это не было простым обращением к традиции. Опираясь на накопленный правовой опыт, учитывая просчеты ранее действовавшего законодательства положения предупредительной цензуры стали тем импульсом, который обеспечил наступление качественно нового этапа: формирование законодательства о цензуре.

Бурное распространение книгопечатания нуждалось с правовой точки зрения в более высокой степени систематизации. Отдельные, разрозненные нормы, расплывчатые в целом ряде документов, не охватывали весь спектр проблем, возникающих в сфере цензурной деятельности. По этой причине появление принципиально нового, единого закона, учитывающего все основные аспекты цензурных правоотношений, стало одним из насущных требований времени. Реализация данного проекта была поручена академиком Н.Озерецкому и Н.Фусу. Перед группой, возглавляемой этими учеными, стояла непростая задача – определить основные направления Цензурной деятельности и сформулировать правовую базу для законодательного закрепления норм предварительной цензуры, осуществляемой четко определенными органами. Результатом этой работы явился 1 Цензурный Устав, в том же году утвержденный Сенатом. Остановимся на этом документе подробнее.

Рассматриваемый нормативный акт незначителен по объему (всего 47 статей), его структура трехчастна:

1-ая часть посвящена общим положениям действия данного закона;

2-ая часть раскрывает работу Цензурных Комитетов;

3-я часть закрепляет ряд правомочий за сочинителями, переводчиками, издателями и содержащими типографий.

Основная задача цензурной деятельности сформулирована в ст.2 «...доставить обществу книги и сочинения, способные к истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению». Из этого следует, что цензура должна была рассматривать любые произведения литературы, назначенные к «общественному употреблению» (ст.1).

Вполне определенно законодатель выстраивает систему органов, осуществляющих цензуру. В основу такой систематизации легли «предварительные правила» (1804г. №20597 п. 30). Согласно этому документу, «цензура всех печатаемых в губернии книг имеет принадлежать единственно университетам, коль скоро они в округах учреждены будут». Несложно убедиться, что статьи 4-7 1 Цензурного Устава в сущности лишь детализируют данную норму.

Сочинения религиозного содержания, как и ранее подлежат рассмотрению духовной цензуре, осуществляемой Синодом и Епархиальными Архирейями (ст.8). Таким образом Устав утверждает давно *de facto* закрепленное разделение всей издаваемой литературы на светскую и сакральную с непременным сохранением фиксированной системы контроля за ними со стороны соответственно секулярной и духовной власти.

Однако, если в случае с религиозной продукцией законодатель ограничивается простым подтверждением полномочий церкви, зафиксированных

еще в Указе от 09 02 1802 года, то в светской сфере изменения носили более серьезный, а порой даже реформаторский характер. Так, при Почтампах формируются специальные цензорские структуры, призванные «проверять на благонадежность зарубежную периодику» (ст.9).

Несомненно, важным в 1 Цензурном Уставе является тот факт, что законодатель стремится закрепить правила, коими цензоры должны руководствоваться при рассмотрении представленных на их суд сочинений. Анализ этих правил выявил целый ряд любопытнейших особенностей законодательной мысли того времени, связанных с постепенным зарождением основ собственно авторского права. Обратимся к ним.

Интересно, что цензору, обнаружившему в тексте сочинения мысль, «противную закону Божьему, Правлению, нравственности и личной чести»⁹, предписывалось обозначить «сомнительные» места, при этом не делая правки в тексте собственноручно. Осуществление различного рода правок, согласно ст.ст.15,16 становится прерогативой издателя, которому цензор обязан отослать проверенный текст. За неисполнение этих положений цензор мог быть привлечен к ответственности. Столь серьезное дополнение, вводимое в цензурное законодательство впервые, по сути своей является знаковым. И, хотя правки в текст вносит еще не сам автор, анализируемые здесь ограничения цензурного всемогущества в недалеком будущем обернется все большим пиететом перед целостностью художественного текста.

Из сказанного, однако, не стоит делать вывод, что полномочия цензора сведены к сугубо формальным. Отнюдь: если он сочтет, что оскорбление нанесенное личной чести гражданина, благопристойности и нравственности достаточно серьезно, либо редактирование таких мест искажает сам смысл текста, то по его представлению Цензурный комитет вправе отказать сочинению в публикации, удержав его у себя (видимо, для предотвращения нелегального распространения такой рукописи ст.18), тем не менее, сообщив автору причину запрещения. Покушения на «бытие Божье, веру и законы отечества...Верховную власть и ... общественное устройство», содержащиеся в тексте произведения обязывают Цензурный Комитет немедленно оповещать о подобной рукописи Правительство для принятия мер к скорейшему «отысканию» автора и «поступлению с ним по законам» (ст.19)¹⁰.

В случае, если у цензора возникают какие-либо сомнения по поводу того, следует ли данный текст подвергнуть редакторской правке или полному запрещению, вопрос рассматривается общим собранием Цензурного Комитета и решение принимается большинством голосов (ст.13). Фиксируя эту норму, законодатель призывает цензоров руководствоваться в своей работе принципом «благоразумного снисхождения, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинения». Впервые столь значительный нормативный акт манифестирует беспристрастность цензуры, рекомендуя при этом последней трактовать «сомнительные» места «выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать» (ст.21). Введение в Цензурный Устав данного предписания, не смотря на его диспозитивный характер явилось важным шагом на пути

⁹ Заметим, что столь однозначно манифестирующая охрана личной чести впервые появилась в цензурном законодательстве.

¹⁰ Аналогичное требование содержалось в Указе 15 01 1783г., где это вменялось в обязанность Управе Благодичиния.

законодательной мысли к закреплению известной свободы творческого высказывания; с этих пор границы «правового коридора» в плане тематики произведений, а также конкретных мыслей и способов их подачи несколько расширяются.

Насколько сказанное соответствует действительности, указывает, в частности тот факт, что произведения, содержащие исследования «скромной и благородной истины» относительно веры, человечества, гражданского состояния, государственного управления, ранее подвергавшиеся остракизму, ныне не только не запрещены, но пользуются «совершенной свободой тиснения» (ст.22).¹¹

Если рукопись одобрялась цензором, то на обороте заглавного листа он визирует ее своей подписью и без задержки возвращал издателя. Своевременность возврата жестко фиксировалась, исходя из даты поступления рукописи цензору. Что было особенно важно для различных изданий периодики. В случае же если рукопись не смогла пройти сквозь «цензорское сито», принимавший такое решение Цензурный Комитет обязан был немедленно уведомить об этом факте прочие Цензурные Комитеты, дабы «на корню пресечь возможность нелегального распространения подобного сочинения.

Не стоит полагать, что после возврата рукописи в издательство «цензурная фаза» выхода сочинения в свет заканчивалась. Как только экземпляр отпечатывали, содержатель типографии был обязан вновь отправить его в Цензурный Комитет, для сравнения приложив рукопись с цензурской визой, предварительно сам расписавшись в том, что лично отвечает за их идентичность. Заметим, кстати, что издатель не имел права печатать литературу, не одобренную Цензурным Комитетом. В противном случае экземпляры немедленно конфисковывались в Приказ общественного приказания, а за книги, изданные не за счет содержателя типографии, взыскивались соответствующие средства. Причем делалось это даже тогда, когда рукописи этих книг не содержали нарушений, оговоренных в ст.ст.15,16 Цензурного Устава. Если доказывалось, что содержание изданной без ведома Цензурного Комитета рукописи «подпадает» под действие ст.ст.18,19 Цензурного Устава, то экземпляры этих книг подлежали сожжению, а издатель нес ответственность согласно существующему законодательству.

Наиболее интересной с точки зрения изучения истории формирования института авторского права в России, представляется глава 3 Устава, носящая название «О сочинителях, переводчиках, издателях книг и содержателях типографий». Законодатель структурно выделяет ряд норм, закрепляющих некоторые правомочия указанных лиц. Возможно, этот раздел стал исходным импульсом появления «Положения о правах сочинителей и

¹¹ Анализируемый процесс крайне интересен попыткой государственной власти выслушать полемические суждения о самих основах государственного устройства. Давая в рамках разумного высказаться конкретному индивиду по основным вопросам современного ему бытия, законодатель вполне сознательно начинает проецировать личность в систему государственных норм и правил. От уважения к высказанному печатно мнению не столь уж велика дистанция до уважения к свободе творческой мысли вообще. Рассматриваемый процесс, вероятно, является как бы стихийной, подготовительной фазой начала кристаллизации сознания. Позднее сделавшего возможным появление норм авторского права.

переводчиков книг» (22 04 1828г.) – по общему мнению исследователей, отправной точкой возникновения института авторского права в России. Разумеется, в главе 3 речь не идет об авторских правомочиях, как исключительных правах на свое творение, но сама фокусировка внимания законодателя на данном аспекте делает эти нормы знаковым явлением.

Круг прав и обязанностей, закрепленных в ст.ст.37-47 Цензурного Устава не значителен; он охватывает следующие возможности:

Сочинитель, переводчик или издатель получают право не указывать своего имени при издании произведения. Отметим, что для содержателей типографий указанная норма не действует.

Все вышеуказанные лица могут обжаловать действия цензора в Главное Училищ Правление.

Эти же лица имеют право повторно печатать произведение без предъявления экземпляров цензору при условии, что новое издание не будет содержать в себе «прибавления, замечания и другие изменения в смысле» (ст.39). За нарушение этой нормы наступала ответственность как за печатание книг не одобренных цензурой. Интересно, что законодатель делает акцент не на формальной, как в современном авторском праве, а на содержательной стороне вопроса.

Не подлежит сомнению, что 1 Цензурный Устав оказал благотворное влияние на развитие отечественной литературы и первое время цензура была мало обременительна, но через некоторое время закрепленные в 1 Цензурном Уставе гарантии оказались не действующими. Недостаточным стало отражение в тексте документа стремления к просвещению. Отсутствие однозначно определенных цензурных полномочий вновь, как и в 1783 году привело к цензорскому произволу. Либеральный по идее, Устав в который раз фактически развязал руки ревностно служащим поборникам морали и нравственности, явился, по сути, реакционным документом – насущным требованием времени.

Обращаясь к историко – правовой ситуации 18-19 в.в. исследователь авторского права наблюдает весьма пеструю картину. Законодательство тех лет воплощает принцип антиномического напряжения, где борются, сталкиваются, отрицают друг друга более или менее радикальные и консервативные тенденции, тем не менее, парадоксальным образом сосуществуя симультанно. При этом налицо непростое, но все же поступательное развитие цензурного законодательства. Однако интерес к данному историческому отрезку обусловлен не только значительным разбросом прецедентов и ожесточенной полемикой. Сквозь всю калейдоскопичность правовых процессов 18-19в.в. настойчиво пробивают себе дорогу те основные принципы, которым суждено в недалеком будущем стать базой для выделения в нашем отечестве института авторского права.